КРИЗИС ЦЕРКОВНОГО И МОНАСТЫРСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И ХОЗЯЙСТВА В 40—60-х ГОДАХ XVIII в.

А. М. БОРИСОВ

Специальных работ, посвященных изучению экономического состояния монастырского сельского хозяйства на последнем этапе его существования, в советской исторической литературе до настоящего времени нет. Эта проблема исследовалась либо косвенно, либо в границах отдельных монастырских хозяйств. Исследованию крестьянского хозяйства духовных вотчин отдельных монастырей Сибири и центральной России посвящен также ряд кандидатских диссертаций [1].

В настоящей статье автор пытается показать существо кризиса монастырского феодального землевладения на территории Европейской России в целом.

В течение второй четверти XVIII в. произошел значительный рост церковного и монастырского землевладения, которому способствовала и покровительственная политика правительства Елизаветы Петровны. Если по первой ревизии (1725 г.) насчитывалось 753 645 д. м. п. церковных и монастырских крестьян [2], то по второй ревизии (1743—1747 гг.) их было 910 866 д. м. п. [3] За эти годы количество крестьян духовных вотчин увеличилось на 22,2%, значительно расширилась господская запашка как за счет использования пустошей, вновь приобретенных земель, так и за счет сокращения крестьянских надельных земель.

Но, в силу отсталой сельскохозяйственной техники и господства крепостного труда, плодородие почв падало, очень часты были неурожаи хлебов. Правда, некоторые монастырские хозяйства пытались поднять урожайность полей путем увеличения использования навозного удобрения. В 1733 г. архимандрит Иосифо-Волоколамского монастыря сообщал в Коллегию экономии, что «можно ожидать приплоду хлеба» [4] только в результате лучшего унавоживания земли. Для этого необходимо было увеличить стада господского скота, что зависело от наличия свободных денег и расширения кормовой базы. Но духовные власти, писал обер-прокурор Синода князь Я. П. Шаховской, употребляли денежные средства не для сельского хозяйства, а для личной наживы [5].

---

[1] Н. Б. Гарбань. Движение крестьян духовных вотчин Тобольской епархии в XVIII в. «Ученые записки Омского пединститута», вып. 4, Омск, 1949; П. К. Алефиренко. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50-х гг. XVIII в., М., 1958; см. также, напр., И. В. Засыпкина. Крестьяне Брянского Свенского монастыря (20—50-е годы XVIII в.), канд. дисс., М., 1952; М. А. Баранов. Крестьяне монастырских вотчин накануне секуляризации, канд. дисс., М., 1954.

[2] П. В. Верховский. Населенные движимые имения св. Синода архиерейских домов и монастырей при ближайших преемниках Петра Великого, СПб., 1909, приложение X, стр. 81—90.

[3] ЦГАДА, ф. Комиссии о церковных имениях, № 1831, оп. 1, д. 196, лл. 374, 497.

[4] «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в.», М., 1957, стр. 39.

[5] «Записки князя Я. П. Шаховского», СПб., 1872, стр. 211.

По третьей ревизии (1762 г.) церковно-монастырских крестьян числилось 991 761 д. м. п. [6], по сравнению со второй ревизией их количество увеличилось только на 10,8%. Процент крестьян монастырской деревни к общему крестьянскому населению уменьшился. Если в 1742 г. они составляли 14,2%, то в 1762 г. —13,8%. Но это еще не показатель кризиса церковного и монастырского землевладения, а лишь показатель ограничения роста этого землевладения.

В 1742 г. с церковных и монастырских крестьян духовные феодалы получали хлебного дохода (озимого и ярового) 289 339 чтв. [7], в 1761 г.— 300 707 чтв. [8]. За 20 лет хлебный доход увеличился лишь на 4%. Следовательно, имевшее место во второй четверти века чрезмерное усиление барщинной системы не дало желательных результатов в увеличении производства хлеба. В большинстве монастырских хозяйств хлеба едва хватало на содержание братии, на семена и прокорм скота. В сведениях, представленных в Синод за 1757 г. от 14 архиерейских домов и 58 приписных к ним монастырей, сообщается, что в их хозяйствах собрано с собственной монастырской и казенной пашни всякого озимого и ярового хлеба 9309 чтв. (за вычетом семян на посев). Из них на потребность церковных и монастырских хозяйств израсходовано 5322 чтв., отправлено в фонд Коллегии экономии (с казенной или десятинной пашни) 3227 чтв., хлебных излишков оставалось на продажу только 760 чтв.[9]

Следовательно, церковные и монастырские вотчинные хозяйства товарный хлеб могли иметь только за счет окладного хлебного сбора, получаемого некоторыми монастырями вместо десятинной пашни, и то небольшое количество, так как основная его часть также поступала в фонд Коллегии экономии. Например, в Новгородской епархии с 85 вотчин, в которых было по третьей ревизии 19 763 д. м. п., вместо десятинной пашни собиралось окладного озимого и ярового хлеба 14 437 чтв. Из них передавалось в фонд Коллегии экономии 11 293 чтв, остальной хлеб расходовался на потребность епархии и монастырей [10], а на продажу ничего не оставалось. Товарный хлеб (примерно не более одной третьей части) имелся в некоторых крупных монастырях Ростовской, Суздальской епархии, в Троице-Сергиевом и Московском Чудовом монастырях [11]. Но абсолютное большинство церковно-монастырских хозяйств с начала 50-х годов XVIII в. товарного хлеба не имело. Даже у такого крупного монастыря, как Иосифо-Волоколамский, не было не только товарного хлеба, но обнаруживалась нехватка яровых семян. В 1753—55 гг. приказчики ряда вотчин Московского, Дмитровского, Рузского, Тверского, Козельского и Старицкого уездов, принадлежащих этому монастырю, на запрос келаря сообщали, что у них яровых семян для посева далеко недостаточно [12]. Происходило сокращение рабочего и молочного скота. Так, в 10 крупных селах этого монастыря в 1756 г. монастырских рабочих лошадей было 99 голов, молодняка — 25 голов, коров —109, молодняка —53, а в 1758 г. рабочих лошадей осталось 62 головы, молодняка —33 головы, коров —101 голова, молодняка —57 голов [13]. В 1748—1750 гг. был почти повсеместный неурожай

---

[6] В. И. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, т. 2, СПб., 1901, стр. 194—196.

[7] П. В. Верховский. Указ. соч., приложение XII, стр. 172—173.

[8] А. Завьялов. Вопрос о церковных имениях при имп. Екатерине II, СПб., 1900, стр. 346—347.

[9] «Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Синода», т. XXXIX, СПб., 1910, стб. 492, 495—502.

[10] ЦГАДА, ф. Коллегии экономии, № 280, оп. 39, д. 3, лл. 124—131.

[11] «Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Синода», т. XXXIV, СПб., 1912, стб. 610—612.

[12] ЦГАДА, ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, № 1192, оп. 3, д. 64, л. 13.

[13] Там же, д. 38, лл. 1—32; д. 42, лл. 1—32.

хлебов, очень пагубно отразившийся на хозяйственном положении крестьян всех категорий. Урожаи 50-х годов оказались также низкими, они не позволяли основной массе монастырских крестьян поднять свое хозяйство. Самый высокий урожай озимых хлебов в селах Козьмодемьянском, Введенском и Спасском с деревнями Новоспасского монастыря Шацкого у. составлял в 1754 г. сам-4—5, в малоурожайные годы озимые хлеба давали сам-1,5—2. Но при наличии и хорошего урожая хлеба крестьянам на продовольствие далеко не хватало [14]. В с. Мамошине Дмитровского уезда на монастырской пашне Иосифо-Волоколамского монастыря урожай ржи в 1753 г. был сам-3, овса сам-1,5, ячменя менее чем сам-1. В с. Балашкове Тверского у. урожай ржи сам-2, овса сам-1, ячменя сам-1,5, в с. Вейне Козельского у. урожай ржи — сам-1,5, овса сам-2 с небольшим, ячменя сам-1, в с. Ангелове и Трусове Московского у. урожай ржи сам-1, овса сам-0,5, ячменя сам-1,5 [15]. В монастырских и архиерейских вотчинах Суздальского и Ростовского уездов в 40-х годах урожай хлебов не превышал сам-3 [16], в плодородном Воронежском уезде сам-4 [17]. В пяти вотчинах Брянского Свенского монастыря, расположенных на юге, «урожайность в большинстве случаев низкая». Наилучший урожай ржи был сам-3, ячменя сам-3,25, овса сам-1,6 [18]. Урожайность в монастырских вотчинах была ниже средней урожайности дворцового хозяйства [19]. Это и характеризует застойность, деградацию земледельческого хозяйства монастырей и их крепостного крестьянства. Причем, поскольку в монастырских вотчинах феодально-крепостническая эксплуатация осуществлялась в наиболее грубых формах, недороды и низкие урожаи способствовали более быстрому и сильному обнищанию монастырской деревни. Разорение же крестьянского хозяйства непосредственно отражалось на хозяйственном состоянии монастырей. Это и создавало предпосылки для возникновения кризиса церковного и монастырского землевладения.

Низкий уровень урожая озимых и яровых хлебов резко сократил доходы монастырей от земледелия. В 1757 г. в Иосифо-Волоколамский монастырь поступило с монастырской пашни озимого и ярового хлеба 1218 чтв., из них на 1/I 1758 г. было израсходовано на содержание братии 999 чтв., оставалось на следующий год 217 чтв., на посев яровых культур в этих вотчинах не хватало 343 чтв. [20]. Стало быть, товарного хлеба на собственной пашне уже не производилось. В 1750 г. Трифонов монастырь Вятской епархии снял урожай всех хлебов (за вычетом семян) —4844 чтв., из них на потребность монастыря израсходовано 4815 чтв., остаток от урожая составлял только 29 чтв. В ведомости о приходе и расходе этого монастыря, поданной в Синод, говорилось, что монастырь излишков (для продажи) озимых и яровых хлебов не имеет и в сельское хозяйство капитал не вкладывает [21]. Для большей убедительности можно привести целый ряд аналогичных примеров из хозяйственной деятельности других монастырей. Например, такой крупнейший монастырь, как Александро-Невский, имевший 25,5 тыс. д. м. п., начиная с 1731 г., стал покупать хлеб на рынке по 1300 и более чтв. в год. Свенский монастырь потребность в хлебе за счет своих ресурсов покрывал лишь на 50%, женские монастыри Тверской епархии также ежегодно прикупали хлеб на рынке для продовольственного потребления. Эти мо-

[14] ЦГАДА, ф. Следственной комиссии при Сенате о волнениях крестьян Новоспасского и других монастырей, № 1880, оп. 1, д. 54, л. 10.

[15] ЦГАДА, ф. 1192, оп. 3, д. 36, лл. 1—3; д. 37, лл. 1—3, д. 64, лл. 2—3.

[16] М. А. Баранов. Указ. соч., стр. 104, 148—153.

[17] П. К. Алефиренко. Указ. соч., стр. 156.

[18] И. В. Засыпкина. Указ., соч., стр. 44.

[19] См. «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в.», стр. 42—43.

[20] ЦГАДА, ф. 1192, оп. 3, д. 41, лл. 2—6.

[21] «Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Синода», т. XXXI, СПб., 1909, стб. 619—626.

настыри сообщали Синоду, что их «необходимые нужды исправляются со скудностью» [22].

Итак, церковные и монастырские землевладельцы к середине XVIII в. перестали быть крупными поставщиками хлеба на внутренний рынок, теперь не только северные монастыри, но и ряд монастырей центральных уездов стали покупать на рынке недостающий хлеб и другие продукты сельского хозяйства, что является также важным фактором проявления кризиса их земледелия.

В экономике церковных и монастырских вотчин главную роль играло хлебопашество, поэтому монастырские власти постоянно стремились к расширению земельных владений и собственной монастырской и десятинной пашни. Но примерно с 40-х годов XVIII в. в ряде монастырей наблюдается сокращение пашни. Так, по данным Синода, в 27 церковных и монастырских имениях нечерноземной полосы за время с 1732 г. по 1758 г. монастырская запашка сократилась с 23 048 дес. до 17 014 дес. в двух полях [23]. Правда, это сокращение пашни было, видимо, результатом перевода крестьян заопределенных вотчин на оброк. В отдельных церковных и монастырских хозяйствах сокращение монастырской пашни доходило до 50% и более. Например, в вотчинах Ростовского архиерейского дома — с 2224 дес. до 1304 дес., Тверского — с 1588 дес. до 674 дес., в Даниловом монастыре Переяславской епархии — с 892 дес. до 362 дес. в двух полях [24].

В 1739 г. в Синод поступила ведомость о количестве пашни и высева на ней по 14 архиерейским домам (в двух полях собственной и десятинной пашни 13 797 дес.) и 35 монастырям (25 484 дес.) — всего 39 281 дес. [25], в 1758 г. в тех же 14 архиерейских домах и уже 56 монастырях имелось собственной и десятинной пашни всего 33 526 дес. в двух полях [26]. Сокращение десятинной и собственной (господской) пашни объясняется самовольным отказом крестьян от ее обработки, ибо духовные феодалы в это время заставляли крестьян сеять эту землю крестьянскими семенами. Заброшенная господская и десятинная земля, как правило, не передавалась в надел крестьянам, она либо сдавалась в аренду наиболее зажиточным из них и сторонним людям, либо пустовала и зарастала лесом и кустарником.

Таким образом, наметившаяся тенденция к сокращению собственной запашки в ряде церковных и монастырских вотчин также свидетельствует о наличии в них серьезного хозяйственного кризиса.

Возраставшее из года в год хозяйственное разорение крестьян духовных вотчин превратило значительную их часть в неспособных налогоплательщиков. Недоимка подушной подати стала хроническим явлением. Если в 1742 г. недоимка за церковными и монастырскими крестьянами составляла 47 452 руб. [27], то в 1762 г. она равнялась 169 236 руб. 79 коп. На 1763 г. было начислено рублевой подушной подати 186 566 руб. 33 коп. Всего же надлежало собрать недоимки и подушной подати 355 803 руб. 12 коп. В 1763 г. оказалось собрано 202 231 руб. 83 коп. или 56,7%, по отношению к сумме годового рублевого оброка недоимка составляла 82,4% [28]. В 1764 г. на церковных и монастырских крестьян было начислено рублевого денежного оброка за первую поло-

---

[22] П. К. Алефиренко. Указ. соч., стр. 156; «Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Синода», т. XXXI, стб. 163.

[23] Пашня увеличилась за эти годы в 23 монастырях черноземной полосы (на 892 дес. в двух полях). В 4 монастырях собственная пашня сохранилась на уровне 1732 г. («Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Синода», т. XVIII, СПб., 1915, стб. 1983, 1996; т. XIX, СПб., 1913, стб. 803—807).

[24] Там же, т. XXXIX, стб. 495—502.

[25] Там же, т. XIX, стб. 803—807.

[26] Там же, т. XXXIX, стб. 492, 495—502.

[27] А. Завьялов. Указ. соч., стр. 85.

[28] ЦГАДА, ф. Коллегии экономии, № 280, оп. 39, д. 228, лл. 91—92, 94.

вину этого года и полуторарублевого за вторую — 688 995 руб., вместе с недоимкой за прошлые годы (153 571 руб.) всего надлежало собрать 842 566 руб. Собрано в 1764 г. было только 367 467 руб., недоимка составляла 475 099 руб. или 55,6% [29]. Такая колоссальная сумма недоимки была, видимо, выражением не только классовой борьбы крестьян монастырской деревни, но и результатом их массового обнищания, результатом упадка крестьянского сельского хозяйства, его явной деградации.

В некоторых монастырях недоимка по денежному оброку и по неокладным денежным сборам составляла значительные суммы в несколько десятков тысяч рублей [30]. Такие же большие недоимки, доходившие до 50%, имели место и по хлебному оброку.

Хозяйственное положение духовных вотчин ярко характеризует состояние денежных доходов и расходов. В сводной ведомости о хлебных и денежных доходах, составленной в Синоде на основе данных 14 архиерейских домов и 56 монастырей, сообщается, что за 1757 г. их денежный доход от земледелия и промыслов должен составить 87 563 руб., в том числе оброчных денег — 43 481 руб. Из них определено на содержание монастырской братии, служкам, на приобретение церковной утвари, на ремонт церковных зданий и прочие монастырские расходы 39 262 руб., в Коллегию экономии — 46 375 руб., в остатке — 2026 руб. Но поскольку недоимка за прошлые годы составляла большую сумму, то свободных денег не оставалось, поэтому расходы на церковные учреждения были сокращены [31]. Эти сведения ярко свидетельствуют о возникших в большинстве монастырей финансовых затруднениях, что также является отражением их хозяйственного разорения.

Правда, с образованием Коллегии экономии почти весь денежный оброк, взимаемый с церковных и монастырских крестьян так называемых заопределенных вотчин [32] поступал в ее распоряжение. Раньше большое количество денежных средств бесконтрольно расходовалось на церковное строение, и нередко архимандриты, игумены монастырей и архиереи присваивали деньги для личного обогащения. Но когда денежный оброк стал поступать в Коллегию экономии, его стало расходовать и правительство — на государственные нужды и на царский двор. Так, в 1756 г. императрица Елизавета получила с согласия Синода 350 тыс. руб. [33]. Во время проведения секуляризации церковных имений правительство Екатерины II получило из остаточных средств архиерейских домов и ставропигиальных монастырей 100 тыс. руб. [34]. Следовательно, царский двор, Коллегия экономии и даже провинциальные канцелярии также разоряли монастырское крестьянство.

Экономический упадок в церковных и монастырских имениях признавали и правительство и Синод. Создание Коллегии экономии (впервые она была создана в 1732 г.) и переход в ее управление заопределенных вотчин имели целью улучшить руководство этими вотчинами и

---

[29] ЦГАДА, ф. Коллегии экономии, № 280, оп. 29, д. 222, л. 16.

[30] П. В. Верховский. Указ. соч., стр. 144—151.

[31] «Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Синода», т. XXXIX, стб. 492, 495—502.

[32] Еще буржуазные историки считали, что между заопределенными и неопределенными монастырями принципиальной разницы в ведении хозяйства не было. Суть различия состояла в двойном управлении заопределенными монастырями (светском и духовном). Коллегия экономии не внесла никакого изменения в хозяйственную жизнь контролируемых ею монастырских вотчин. Ее контроль сводился главным образом к распределению и расходованию взимаемого с крестьян денежного и хлебного оброка. Коллегия обязывала контролируемые монастыри создавать страховой хлебный фонд для обеспечения посева крестьянских полей. Фактически же монастыри расходовали этот фонд по своему усмотрению. Поэтому для исследования хозяйственной деятельности монастырей нет необходимости делить их на эти две категории.

[33] А. Завьялов. Указ. соч., стр. 95.

[34] ЦГАДА, ф. Коллегии экономии, № 280, оп. 39, д. 228, л. 118.

поднять в них хозяйственную деятельность. Но переход вотчин из управления Синода в эту Коллегию не привел к осуществлению поставленной цели. Князь Я. П. Шаховской, будучи обер-прокурором Синода, ознакомился с хозяйственной деятельностью заопределенных монастырских вотчин и в докладе императрице Елизавете в 1744 г. сообщал, что их сельское хозяйство и промыслы пришли в «растощение», т. е. в упадок. Ныне доходы синодальных, архиерейских и монастырских вотчин «уменьшились перед доходами дворянства» [35]. Поэтому он предложил правительству ликвидировать Коллегию экономии, ибо духовные власти посылали в эти вотчины своих управителей и это двоевластие, по мнению князя Шаховского, тормозило развитие хозяйственной деятельности.

Когда заопределенные вотчины перешли снова под власть духовных феодалов, князь Я. П. Шаховской разработал мероприятия, направленные на развитие сельского хозяйства и промыслов. Но реализация его предложений требовала вложения в сельское хозяйство больших денежных средств, проведения агрикультурных мероприятий и мелиоративных работ. Духовные же феодалы, получив свои вотчины, стремились лишь к личному обогащению и продолжали относиться к сельскому хозяйству паразитически, усиливая крепостническую эксплуатацию крестьянства. Наблюдая за сельским хозяйством и промыслами монастырей, Я. П. Шаховской в 1751 г. писал императрице Елизавете, что доходы от духовных вотчин «Синод ныне еще в худшем состоянии оставляет» [36].

Известно, что экономическое состояние крестьянства в значительной мере определялось количеством земельных угодий.

Посмотрим теперь, каковы были нормы крестьянского надела. В различных духовных вотчинах они далеко не одинаковы и меньшие, чем у крестьян государственной деревни. Приведем несколько примеров: в 85 селениях, принадлежащих Новгородскому архиерейскому дому, по третьей ревизии на одну ревизскую душу приходилось 1,13 дес. земли, в Псковской епархии — 0,9 десятин [37]. В церковном с. Суботниково Боровского у. на одну ревизскую душу приходилось 1,44 дес. В другом церковном с. Рыбкове того же уезда надел на одну ревизскую душу составлял 1,66 дес. [38] В Опольском стане Владимирского у. в 21 духовной вотчине по третьей ревизии на одну ревизскую душу приходилось 2,03 дес. В с. Забелевском Кромского у. по третьей ревизии на одну душу надельной пахотной земли приходилось 1,18 дес., в с. Буяновичи Брянского у.— 0,76 дес., в с. Новая Слобода Белгородского у.— 2,3 дес., в с. Архангельском Орловского у. — 1 дес. [39]

Норма надела у церковных и монастырских крестьян была в ряде уездов меньше, чем у помещичьих. Например, надел у помещичьих оброчных крестьян Московской губернии колебался в пределах от 0,39 до 3 дес. на ревизскую душу. В районе среднего Поволжья на ревизскую душу приходилось от 0,33 до 2 дес. [40] Эти факты, показанные по различным монастырским селам и уездам трех основных сельскохозяйственных районов: северо-западного, центрально-нечерноземной полосы, юго-западного черноземной полосы, достаточно ясно свидетельствует о существовавшем малоземелье. Лишь в немногих монастырских вотчинах крестьянский надел составлял 5 дес. на крестьянский двор.

Пользуясь этим малоземельем, церковные феодалы сдавали своим крестьянам за выгодную цену пустоши, сенные угодья и прочие неудоб-

---

[35] «Записки Я. П. Шаховского», стр. 51—53.

[36] Там же, стр. 216.

[37] ЦГАДА, ф. Коллегии экономии, № 280, оп. 39, д. 3, лл. 121—122 об.; «Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Синода», т. XIX, стб. 803—807.

[38] ЦГАДА, ф. Коллегии экономии, № 280, оп. 40, д. 1, лл. 2, 4.

[39] Там же, ф. 280, оп. 39, д. 373, лл. 98, 106, 166, 208, 231, 274; оп. 40, д. 140, л. 6 об.

[40] П. К. Алефиренко. Указ. соч., стр. 37, 71.

ные земли, расположенные вдали от монастырей. Но землю у монастырей и церковных учреждений могли арендовать главным образом зажиточные крестьяне, а малоимущие вынуждены были брать землю сверх надела исполу, либо из третьего, четвертого и пятого снопов. Таким образом, в руках зажиточной части крестьянства сосредоточивались сверх надела земельные участки, что давало им возможность производить хлеб на продажу и эксплуатировать малоимущее крестьянство.

В середине XVIII в. в монастырской деревне происходила довольно заметная социальная дифференциация крестьянства. На допросах в следственной комиссии по делу волнения крестьян трех сел (Спасского, Введенского и Козьмодемьянского с деревнями) Новоспасского монастыря и в документах этих сельских общин зажиточных крестьян называли «первостатейными» крестьянами. Они имели по три-четыре и более лошадей, по пять-шесть коров и, как и крестьяне других монастырей, арендовали землю у монастыря и у безлошадных односельчан. В крупных селах, принадлежащих этому монастырю, зажиточные крестьяне нанимали за хлеб или за деньги обедневших крестьян на уборку хлеба. Такие зажиточные крестьяне занимались и скупкой хлеба на сельских торжках и перепродавали его в городах по повышенной цене[41]. Безусловно, зажиточные крестьяне этого монастыря имели в своем хозяйстве излишки хлеба, которые они продавали на ближайших рынках.

Некоторые зажиточные крестьяне добивались от монастырской администрации и Коллегии экономии перевода их в купеческое сословие. Так, накануне секуляризации (в 1762—1764 гг.) в московское купечество было записано 75, в ростовское —10, петербургское —76 крестьян[42]. В 1761—1762 гг. крестьяне Осташковой слободы добивались от властей Иосифо-Волоколамского монастыря перевода их в посадское население, и во время проведения секуляризации (1762 г.) они в количестве 1202 д. м. п. записались одни в купечество, другие — ремесленниками, чернорабочими и мелкими торговцами[43]. В первые годы после окончательной секуляризации церковных имений на положение посадов было переведено 18 бывших монастырских сел с общим количеством 9907 д. м. п.[44]. Дифференциация в монастырской, прежде всего промысловой, деревне привела к заметному социальному расслоению буржуазного характера.

Несмотря на запрещение правительством в 1744 г. выдавать паспорта монастырским крестьянам для ухода в город на заработки, на отхожие промыслы из монастырской деревни уходила довольно значительная часть крестьянства, видимо, в основном, малоимущего. В 50-х годах на московских мануфактурах церковные и монастырские крестьяне составляли 50,9%[45]. Немалое количество отходников из монастырских крестьян было в Петербурге, Твери, во Владимире и других городах, куда крестьяне ежегодно отправлялись группами по 20—35 и более человек. Наиболее достоверные сведения о количестве малоимущих крестьян в монастырских вотчинах можно извлечь из описей этих хозяйств. По описи 1744 г. в барщинных вотчинах Суздальского Спас-Ефимьева монастыря малоимущих крестьян было 15%, в 1762 г. их стало 21,1%, зажиточных или так называемых достаточных соответст-

---

[41] ЦГАДА, ф. Следственной комиссии при Сенате о волнениях крестьян Новоспасского и других монастырей, № 1880, оп. 1, д. 45, лл. 67—68.

[42] ЦГАДА, ф. 280, оп. 1, д. 8561, лл. 36—38, 46—48, 96—110.

[43] В их числе было 282 торгово-ремесленных двора с капиталом 95 135 руб. Причем крестьяне заявили, что если их не переведут в состав посадского населения, то они не будут платить денежный оброк. И действительно, в 1762 г. за этой слободой имелось 1117 руб. недоимки. (Там же, ф. 1192, оп. 3, д. 57, лл. 1—4; д. 87, л. 9).

[44] Там же, ф. 280, оп. 1, д. 8561, л. 189.

[45] «История Москвы», т. II, М., 1957, стр. 257.

венно — 10 и 11,9%. Из 799 оброчных крестьянских дворов в 1762 г. малоимущих было 30,5%, зажиточных — 10,2%. Эти зажиточные крестьяне имели по три-четыре рабочих лошади, годовой доход от сельского хозяйства составлял у них более 20 руб., тогда как у малоимущих крестьян, как правило, бюджет ежегодно имел дефицит [46]. Все это говорит о наступлении кризисных явлений в церковном и монастырском феодальном землевладении и хозяйстве.

Отказавшись от забот по улучшению своего хозяйства, духовные феодалы стали на путь паразитического ведения земледельческого хозяйства и крайнего усиления крепостнической эксплуатации крестьянства, на путь неслыханного его грабежа и разорения, допуская полнейший произвол во взимании бесчисленных окладных и неокладных податей и повинностей. Причем денежные неокладные сборы часто превышали денежный оброк. Пользуясь тем, что правительство не установило законом нормы барщины, духовные феодалы в последние годы своего господства довели полевую и неполевую барщину до небывалых размеров. Особенно это сказалось после отмены Екатериной II 12 августа 1762 г. указа Петра III о секуляризации и предоставления права устанавливать барщину или оброк на усмотрение духовенства [47]. Примеров колоссального роста монастырской барщины в это время можно привести очень много [48]. Тогда как светские феодалы в этот период все более стали переводить своих крестьян на денежный оброк.

В своих многочисленных челобитных, подаваемых в правительственные органы, церковные и монастырские крестьяне жаловались на малоземелье, низкие урожаи, на введенную духовными феодалами невыносимо тяжелую барщину, на произвол в сборе различных неокладных денежных сборов и тяжелые натуральные повинности, на побои и прочие издевательства, чинимые монастырскими властями. В челобитной, поданной в 1753 г. правительству, крестьяне сел Спасского, Веденского и Козьмодемьянского с деревнями Шацкого у. пространно рассказывают о произволе, чинимом властями Новоспасского монастыря, тяжести всевозможных денежных поборов и повинностей. В результате крестьяне названных сел оказались разоренными, даже в лучшие урожайные годы хлеба у них и «до великого поста не хватало». Поэтому мы «себя с домашними с крайней нуждою пропитать не можем» — говорил на допросе староста с. Спасского Петр Бутыцин. В обвинительном акте, составленном следственной комиссией на приказчика этого монастыря Серебрякова, говорилось, что он «крестьян, безвинно захватя к себе, держит в цепях и в железах недель по пять и больше и, держав, бьет плетьми и палками смертельными побоями...» [49]. До 1744 г. крестьяне этих сел находились на денежном оброке, но монастырские власти перевели их на барщину и насильственно отняли 104 дес. надельной земли под монастырскую пашню, а в 1749 г. отрезали еще 88 дес., были отняты у крестьян и хорошие сенные угодья [50]. Сокращение крестьянских надельных земель и сенных угодий немедленно сказалось на хозяйственном положении крестьян названных сел.

В других местах сокращение наделов пахотной крестьянской земли происходило в результате ее запустения. Так, в 98 селениях Московского у., принадлежавших Волоколамскому монастырю, примерно за 20 лет, к 1753 г. заросло лесом и кустарником из 24 268 чтв. пахотной

---

[46] П. К. Алефиренко. Указ. соч., стр. 172, 173, см. также стр. 171.
[47] ПСЗ, т. XVI, № 11643, стр. 51—53.
[48] См., напр., ЦГАДА, ф. 1831, оп. 1, д. 196, лл. 374—376; ф. 280, оп. 39, д. 3, л. 92 об.
[49] ЦГАДА, ф. 1880, оп. 1, д. 42, лл. 4—10; д. 50, л. 14 об.
[50] Там же, д. 45, л. 4; д. 50, л. 14.

земли 18 454 чтв. или 80%, сенных угодий из 9454 копен — 1404 копны или 15,2%. В этих селениях имелось 675 пустошей [51], которых крестьяне из-за своего оскудения использовать под пашни не могли, а монастырь не находил арендаторов для сдачи этих пустошей в эксплуатацию. У крестьян Новгородского архиерейского дома в 1761 г. пустующих земель, не занятых под пашней, было 1089 дес. Этот духовный феодал вместо десятинной пашни взимал с крестьян 11 420 чтв. озимого и ярового хлеба, да в пользу приказчиков — 1018 чтв. Всевозможных неокладных денежных сборов в среднем на одну ревизскую душу в год приходилось 45 коп. Кроме того, крестьяне платили денежный оброк сначала семигривенный, а с 1762 г. рублевый. В росписи натуральных повинностей перечислены 32 их различных вида, некоторые из них заменялись деньгами [52].

Неурожай 1762 г., охвативший всю центральную Россию, исключительно тяжело отразился на положении большинства монастырского и церковного крестьянства [53].

В 50-х и начале 60-х годов XVIII в. классовая борьба крестьянства почти повсюду переходила в открытые волнения и восстания, в ряде уездов монастырские крестьяне стали объединяться в борьбе с помещичьими и государственными крестьянами [54]. Только с января 1761 по март 1762 гг., по далеко не полным данным, восстания крестьян имели место в 70 монастырях. По мнению Военной коллегии, для усмирения монастырских крестьян нужно было послать едва ли не всю армию [55]. Эти массовые волнения и восстания, главным образом, и вывели царское правительство из состояния нерешительности в отношении проведения секуляризации: основным требованием крестьян духовных вотчин было требование отписать их на государство.

Запоздавшая секуляризация церковных имений, осуществленная в феврале 1764 г., была в сущности уступкой правительства, которой крестьяне добились в результате своей массовой, длительной и упорной борьбы против духовных феодалов и правительственных указов. Проводя секуляризацию, правительство, безусловно, исходило и из государственных интересов, в частности, оно решало фискальный вопрос, стремилось укрепить религиозно-феодальную идеологию в обществе, подняв авторитет церкви и духовенства в стране. Наконец, через конфискацию духовных вотчин правительство стремилось укрепить и дворянское землевладение.

Бывшие монастырские крестьяне и после проведения секуляризации не прекращали своей борьбы, так как их земли нередко захватывали дворяне, Екатерина II стала раздавать экономических крестьян своим вельможам. Другой причиной усиления классовой борьбы этой категории крестьян явилось увеличение денежного оброка на 50 коп. с д. м. п. и, наконец, бывшие монастырские крестьяне и после секуляризации остались в крепостной зависимости, оказавшись в сфере эксплуатации государственного феодализма. Критикуя книгу Гакстгаузена «Сельское хозяйство в России», К. Маркс писал: «По своей наивности Гакстгаузен, руководствуясь Сводом, не относит к ним (крепостным. — *А. Б.*) государственных крестьян; фактически они те же крепостные» [56]. Правда, формы крепостной эксплуатации экономических крестьян были несколько смягчены. Но их экономическое положение изменилось незначительно.

---

[51] ЦГАДА, ф. 1192, оп. 3, д. 5, лл. 156—274.
[52] ЦГАДА, ф. 280, оп. 39, д. 3, лл. 121—131.
[53] ЦГАДА, ф. Сената, № 248, оп. 113, д. 165а, т. II, лл. 59—100.
[54] «Сб. РИО», т. XXVII, СПб., 1880, стр. 174.
[55] ЦГАДА, ф. 1880, оп. 1, д. 197, л. 293.
[56] «Архив Маркса и Энгельса», т. XII, М., 1952, стр. 91.

Отвечая на вопрос сенатской анкеты 1767 г. «о недороде», московский губернатор И. Юшков сообщил Сенату, что бывшие монастырские крестьяне оказались в большом хозяйственном разорении, а неурожай 1765 г. привел их в исключительно бедственное положение. Для прокормления своих детей среднестатейные и малоимущие крестьяне почти все свое жалкое имущество и скот распродали, более половины надельных земель оставили незапаханными, а другую половину посеяли без удобрения, так что ждать хорошего урожая нельзя. Воевода Ярославской провинции сообщал Сенату, что земли монастырских крестьян за отсутствием «скота и удобрения лежать по немалому числу в пусте». В ответах Суздальского воеводы говорилось, что как до секуляризации, так и после ее крестьяне «земли удабривать не стараются», поэтому урожаи хорошие бывают редко. Из Симбирской губернии сообщали, что у экономических крестьян пустующих земель «великое множество» потому, что у крестьян семян на посев своих полей ежегодно не хватает [57].

Итак, кризис церковного и монастырского сельского хозяйства начался примерно со второй половины 40-х годов XVIII в. и развивался до проведения окончательной секуляризации, явившись, в сущности, предвестником кризиса помещичьего и государственно феодального землевладения.

---

[57] ЦГАДА, ф. Сената, № 248, оп. 113, д. 1651/а, т. II, лл. 89—98, 154, 176; т. 6, л. 40 об.